

Fallout: Equestria – The Fossil

Авторы: Lucky Ticket и Alnair.

Редактор: California.

Корректор: Astarcis.

Глава 4: Искусство падения

За ночь выпало много снега. Он сгладил все неровности рельефа, однако это было лишь видимостью. На деле же, я постоянно проваливалась в сугробы.

Перед выходом Джестер предложила мне нацепить на ноги дурацкие штуковины, внешним видом напоминавшие теннисные ракетки – так называемые снегоступы. Я отказалась, только примерив их. Ещё бы: громоздкие, некрасивые, а для того, чтобы покопаться в настройках ПипБака или даже просто почесать нос, пришлось бы их снимать.

Однако сейчас я, пожалуй, жалела о своём отказе. Для того чтобы поспевать за Джестер, приходилось тратить много сил, а ещё говорить довольно громко, что совсем не шло на пользу моему простуженному горлу.

– И куда мы идём? – поинтересовалась я.

– В Баттерфлай.

– А что мы там будем делать?

– Как что? Приоденем тебя и найдём нормальную пушку. Ты же у нас упёртая и домой не хочешь. Значит, тебя нужно экипировать, как следует. Да заодно и с народом пообщаешься. Тебе полезно.

Последняя фраза прозвучала совсем тихо. Выбирая в снегу неглубокие участки, я успела отстать от Джестер на несколько метров. Голос же свой та принципиально не повышала.

Дорога шла по дуге. Следы Джестер – тоже. Мне показалось логичным идти по прямой, чтобы догнать её. В результате этого манёвра я провалилась в снег чуть ли не по шею. Что называется, срезала путь!

– Джестее-р, подожди-и!!! – крик получился громким, и больное горло снова напомнило о себе.

Моя проводница остановилась и обернулась посмотреть, что стряслось. Когда я выбралась из ямы и поравнялась с ней, то услышала:

– Говорила я тебе, что нужно идти за мной след в след.

Мы двинулись дальше.

Я задумалась: “Говорила? А верно, что-то было такое. Только я не думала, что эту фразу надо воспринимать так букваа...”

Я снова сошла с дистанции, больно прикусив язык: на этот раз ноги сами съехали вправо. “Как же меня это достало!” С этими мыслями я расправила крылья и сделала пару плавных движений, потом ещё. Копыта поднялись над снежной коркой, и, спустя несколько взмахов, я оказалась возле Джестер.

– О, привет снова. Не думала, что ты можешь быть такой быстрой.

И она, как ни странно, ускорила шаг! Но, в любом случае, теперь я поспевала за ней, а потому продолжила прерванный ныряниями в снег разговор.

– Баттерфлай, говоришь? А что это за место такое?

– Деревня. Тебе должно там понравиться. Весёлые ребята, отличная музыка.

При словах “весёлые ребята” я содрогнулась. Мне и одной Джестер с её постоянным весельем хватало. А тут, судя по всему, меня ожидал целый Джестервилль.

Я вздохнула, представив себе всё это в подробностях. Джестер даже повернула голову в мою сторону.

– И чего это у тебя такой кислый вид? За всю Пустошь я не ручаюсь, но из тех мест, где мне довелось бывать, Баттерфлай – самое дружелюбное поселение.

Мда.

– Что за дурацкое название – “Пустошь”? – уцепилась я за новое слово. – У вас же тут много всего. Даже деревья растут.

Джестер остановилась и задумалась, глядя перед собой. Я догнала её и теперь стояла рядом, разглядывая ставший уже привычным северный пейзаж.

Наш путь проходил по вершине горного хребта. Справа и слева виднелись лишь ущелья, присыпанные снегом, и другие горные цепи, очертания которых терялись в тумане. Но кое-где на склонах гор можно было различить деревья, судя по всему, хвойных пород. На фоне снега они казались не зелеными, как их рисовали в книгах, а почти черными. Но, в отличие от того деревца с обледелой площадки, эти не выглядели мертвыми.

– Когда Эквестрия погибла, большая часть её территории превратилась именно что в пустошь. Причём, буквально пропитанную разной ядовитой дрянью. Но горы преградили путь радиации, а ветер унёс ядовитые осадки в сторону Мэйнхэттена и Хуффингтона – Джестер поморщилась своим мыслям. – Так что тут ты права: Пустошь – это общее название того, что раньше именовалось Эквестрией.

Закончив объяснение, Джестер зашагала дальше, а мне пришлось поспешить вслед за ней. Теперь было ясно, почему мой ПипБак молчал всё это время. Воздух не был отравлен, радиация не распространилась дальше моего Стойла. О том, что стало с теми местами, куда выпали радиоактивные дожди, мне совершенно не хотелось думать, но Джестер, словно уловив мои мысли, продолжила свой рассказ об окрестностях.

– Нет, и в этом регионе есть довольно грязные места – например, Остов. Раньше там был местный промышленный центр с гордым названием Штальбарн. Но его нынешнее прозвище говорит само за себя, что, впрочем, не мешает этим руинам кишмя кишеть всякими неудачниками, у которых не хватает опыта, смелости или средств, чтобы высунуть нос из местной тошнливки и отправиться в серьёзный поход.

Джестер фыркнула. Видимо, она была не слишком высокого мнения об этих пони.

– Эм, а что они там делают, ну, в этих руинах?

Джестер фыркнула ещё раз.

– Копаются, что же ещё? Молодняк вроде тебя. Они там друг другу разве что на хвосты не наступают. Пытаются найти что-то там, откуда всё уже вынесли до них. Идти в новые места решаются только самые отчаянные или безмозглые.

Джестер сплюнула.

– Те, у кого есть крышки, но не хватает смелости, надевают на себя навороченный химкостюм и ходят по более-менее безопасным участкам коммуникаций бывшего города. Те, у кого нет крышек, но есть мозги в голове, гоняют вниз новичков. Выжившие новички через пару лет становятся такими же, как их недавние “учителя”. Ну а те, кого Селестия мозгами обделила, через пару-тройку ходок погибают, наглотавшись какой-нибудь дряни, либо свернув шею при спуске в очередной колодец. Обычная история.

– А если нет ни крышек, ни смелости?

– О, эти-то. Самое печальное зрелище – они попрошайничают и горько пьют. Вечно грязные, с осоловелыми глазами. Подкинь пару-тройку крышек и услышишь чудесные истории о том, как кто-то из них разорвал пасть мантикоре голыми копытами или же собственными глазами

видел возле заброшенной шахты призрак Принцессы Луны... Ну, насчёт последнего я нисколько не сомневаюсь – по пьяни и не такое увидишь.

Я сглотнула.

Рассказ Джестер основательно встряхнул меня. Всё моё недовольство тесным мирком, который все эти годы был для меня домом, было перечёркнуто единственной короткой мыслью: “Я родилась в нужном месте и в нужное время”.

Кем бы я стала, если бы изначально жила вне Стойла? Неудачницей вроде тех раскопщиков из Остова? А если бы я родилась в семье рейдеров, ну, если те вообще заводят семьи? Убивала бы и грабила? Меня аж передёрнуло.

А как же Джестер? Не думаю, что ей пришлось легко. Я была почти уверена, что свою карьеру мусорщицы она начинала именно в Остове. Но Джестер не выглядела неудачницей, мало того, всем своим видом она показывала, что прекрасно приспособилась к жизни на Поверхности. Как же мне хотелось получить хоть каплю этой уверенности.

– Ну, ты идешь, или так и будешь пялиться в снег? – оказывается, пока мой мозг был занят перевариванием новой информации, Джестер успела уйти довольно далеко. Я попыталась догнать ее, но тут мои копыта в очередной раз разъехались, и я кубарем полетела вниз.

* * *

Да, мечтая о полётах, я предполагала, что они будут происходить по относительно прямой траектории и на некотором расстоянии от земли. Хотя какой это, к чёрту, полёт?!

Я катилась по склону, то и дело натываясь на камни, скрытые под снегом. Небо и земля постоянно менялись местами, отчего я моментально потеряла ориентацию в пространстве. “Будут новые синяки”, – пришла в голову мысль между двумя жёсткими ударами. Какой-то глубокий инстинкт заставил меня сгруппироваться, а не болтать ногами в воздухе, потом наступило уже знакомое чувство невесомости, и я со всего размаху влетела лицом в снег. Похоже, что на этом моё падение остановилось.

Попытка встать и отряхнуться от снега не увенчалась успехом. Утренняя порция тараканьего супа так и прорывалась наружу, а я старалась удержать вращающийся мир всеми четырьмя копытами. Разумеется, этого не удалось сделать.

Мне пришлось завалиться на бок, чтобы не расстаться с сытным завтраком. Мир перед глазами всё ещё вращался, и я решила подождать, пока вытянутое к небу копыто не перестанет двоиться перед глазами.

– Эй, жеребёнок, ты живой? – Джестер спускалась по склону, словно скользила по нему. Проклятье, как у нее это получается? Решив, что на морозе лучше не кричать, я помахала ей копытом.

– Не хочу тебя расстраивать, но полеты так не делаются. И не смотри на меня так, тебя даже не помяло. – Джестер приблизилась, спокойно глядя на меня. Ох, как же хотелось сказать ей какую-нибудь гадость в ответ! Мир все еще порывался уплыть из-под моего взора, а снег омерзительно таял за шиворотом.

– А я смотрю, ты делаешь успехи в своей археологии.

– О чем ты...?

Джестер прервала меня, указав копытом куда-то мне за спину. Я оглянулась и увидела, что мой непреднамеренный спуск закончился на краю большого, засыпанного снегом котлована, который одной стороной обрывался в ущелье. Посреди этого котлована, нависая одним концом над обрывом, лежало что-то очень большое и длинное, почти целиком занесенное снегом. Какое-то вытянутое сооружение или, скорее, какая-то машина, выкрашенная в серый цвет. Со

своего места я не могла разобрать, что же я вижу перед собой.

– Джестер, что это там лежит? – я посмотрела на полосатую пони и увидела, как ее глаза загорелись живым огоньком азарта.

– Похоже, девочка, ты только что раскопала целый самолет!

* * *

Мы спускались по склону котлована с большой осторожностью. Я держала ледоруб наготове, чтобы, в случае чего, остановить своё скольжение, а Джестер прокладывала верёвку, по которой мы должны были забраться обратно.

Сначала мне казалось, что самолёт лежит на земле ровно, но по мере того, как мы достигли середины склона, стало видно, что машина расположена под углом: её хвост был чуть задран, а нос нависал над пропастью.

Спустившись на дно котлована, я поняла, что это был не единственный обман зрения: самолёт оказался намного крупнее, чем я думала. Даже несмотря на то, что большая часть фюзеляжа и крылья скрывались под снегом, было ясно, что этот летательный аппарат мог вместить в себя добрый десяток тех вагончиков, которые встречались мне на обледенелой дороге.

– Джестер, ты когда-нибудь видела такие самолеты раньше? – у меня уже гораздо лучше получалось рысать по снегу, хотя я все равно с трудом поспевала за серой кобылкой.

– Только на рекламных постерах. Но я слышала, что одно время они были довольно популярным средством доставки почты, грузов, а иногда и пони. Скорее всего, перед нами “Облачный разбойник”, а разрабатывать такие громадины стали, когда “Небесные бандиты” оказались неподходящими для нужд войны.

– Небесные бандиты?

– Ты рассказывала, что встречала странные повозки без колёс. Это и есть “Небесные бандиты”. Спереди впрягался пегас-водитель, а сама повозка вмещала до дюжины пони с багажом.

– Это же несколько тонн веса. Как!? – я попыталась представить себя на месте такого несчастного пегаса.

Джестер встала как вкопанная и посмотрела на меня так, словно я только что засунула заднее копыто себе в рот.

– Милочка, я что, похожа на пегаса?

Я не нашлась, что ответить.

– Святая Селестия, как же тебя легко обезоружить, – она картинно покачала головой, но затем подмигнула мне и улыбнулась.

– Я не очень хорошо разбираюсь в технике, это Хэк Рэнч могла бы тебе рассказать, как они летают.

– Хэк Рэнч? Ты мне не говорила, что у тебя есть знакомые пегасы.

– Вообще-то ты опять торопишься с выводами. Она была земнопони.

– Эм, а как она тогда связана с “Небесными бандитами”?

– О, эта кобылка была одержима идеей восстановить один из “Бандитов”, упавших недалеко от деревни. В какой-то книжке она нашла подходящие чертежи и постепенно превратила свой дом в склад-сарай, набитый ржавыми железками и проводами. “Бандит” и сейчас там стоит, недоделанный.

– Почему ты говоришь о ней в прошедшем времени? – поинтересовалась я с опаской.

– Пока она занималась слесарными работами и механикой, дело шло. Но вот провода и батареи оказались ей не по зубам – знаешь, все эти электрические дела не были её особым талантом. И самое главное, за тот год она не смогла найти поблизости ни одного пегаса. Сама

понимаешь, машина без водителя никому не нужна.

Я кивнула.

– А так как она пришла откуда-то с юга, то не смогла привыкнуть к здешним холодам. В середине зимы Рэнч собрала весь свой инструмент и покинула деревню.

– Ну-у, её можно понять, – ответила я, ёжась от холода. “Вот оно что. Неблагоприятный климат. А я почему-то боялась, что с ней что-то нехорошее стряслось. К чёрту такие мысли”.

– Так вот, – продолжила Джестер. – Рэнч объяснила мне, что у каждого Бандита есть собственный двигатель, который и толкает повозку. Пегас лишь управляет ей через механическую упряжь. А вот как и кто мог управляться с *этой* штуковиной, – Джестер указала копытом на засыпанный снегом самолет, – даже она тебе вряд ли рассказала бы.

Мы стояли у хвостовой части самолёта – она больше всего выпирала из снега. Огромный киль машины был устремлён в серое небо, готовое в любой момент разразиться очередным снегопадом. Настоящее солнце совсем не пробивалось сквозь эту преграду, но киль самолёта украшало другое, нарисованное – кютимарка Принцессы Селестии. Похоже, что здесь она служила в качестве опознавательного знака. Ниже располагалась частично облупившаяся надпись. “Крлевскя Крлатая Пчта”, – прочитала я.

– О, мы будем читать чужие письма?

– Ага, любовную переписку принцессы Селестии, – съязвила Джестер.

Реплика Джестер заставила меня поморщиться. Конечно, я осознала, что Принцесса Селестия была сделана из плоти и крови, но думать о ней такие вещи... это богохульство.

– Э, жеребёнок, приём! – Джестер махала у меня перед носом копытом, вынутым из снегоступа, – ты так и будешь стоять тут до вечера?

– А? – похоже, я слишком увлеклась проблемами теософии. – Нет, конечно. Вот только как мы попадём внутрь?

Я не видела ни одной двери или окна, через которые можно было пробраться в самолёт. Похоже, они находились под толстым слоем снега.

– А как бы *ты* это сделала? – Джестер скинула свои седельные сумки и начала увлечённо копать в одной из них.

– Лично я войду через дверь. Возможно, с применением молотка, ледоруба или какого-нибудь другого средства порчи имущества.

Услышав это, Джестер даже оторвалась от своих сумок.

– Ну... Это если не удастся отверткой поддеть, – я сделала вид, что смущенно ковыряю копытом снег.

Мне показалось, или мне удалось ее удивить?

– Тогда копай.

– Где? – я опять начала чувствовать себя глупой.

– А вот прямо перед собой. – Джестер вернулась к своим сумкам, очевидно, что-то упорно пытаясь там найти.

Я глядела на снег перед фюзеляжем. Тут же, наверное, до двери метра полтора!

– Вот прямо копытами и копать?

– Ну, лично ты можешь и копытами, – судя по стихшему звону, Джестер, наконец, извлекла из своей сумки так глубоко запрятанный предмет.

Я повернула голову. У Джестер в зубах была небольшая складная лопата.

* * *

– Ну, можно и через окно, – сказала я, пожав плечами.

Мы стояли на дне небольшой прямоугольной ямы, совместными усилиями выкопанной в снегу. Рыть вторую такую же совершенно не хотелось. Я изучала клёпанный обод, который обрамлял круглый иллюминатор в боку “Разбойника”.

– Теперь осталось его аккуратно... – я полезла зубами за отверткой, но это движение прервал звук смачного удара и звон разбившегося стекла – ...открыть.

Джестер взяла на изготовку небольшой обрез двуствольного ружья, достаточно короткий, чтобы держать его в зубах.

– Ну? Кто перфый?

Меня не надо было спрашивать дважды. Разгоряченная раскопками, я ринулась было лезть в окно, но твердое серое копыто уперлось мне в плечо.

– Жеребёнок, либо ты меня не слушаешь, либо у тебя память об снег отшибло.

Я недоуменно моргнула, глядя на свою полосатую спутницу. Она уже третий раз назвала меня “жеребёнком”. Похоже, от впечатления, произведённого моим вчерашним рассказом, не осталось и следа.

– Что-то не так, Джестер?

Серая пони поморщилась, словно только что съела гнилую морковку.

– Ты хуже овцы, пасущейся на минном поле. Ты вообще не понимаешь, что собираешься подставить мне свою спину?

Нет, я действительно не понимала, куда она клонит.

– Что ты имеешь в виду?

Полосатая кобылка выплюнула ружье и смачно сплюнула вдогонку.

– В Пустоши нельзя доверять никому. Вообще. Ты видела ружье у меня в зубах. Что мешает мне выстрелить тебе в спину?

От такой постановки вопроса у меня невольно отвисла челюсть.

– Ты ведь только что спасла меня, Джестер! Ты потратила кучу сил и времени, чтобы поставить меня на ноги.

– Ну, а ты помогла мне донести твое добро, например. Теперь я могу пристрелить тебя ради этих вещей, – мне сложно было понять, шутит она или нет. Я чувствовала, как земля уходит из-под ног. – В этом и состоит твоя уязвимость. Нет ни одной причины, по которой житель Пустоши не сможет тебя пристрелить, что бы он ни говорил и ни делал до этого.

Я не верила тому, что говорила моя собеседница. Я не могла, не хотела в это верить.

– Пони так не делают, Джестер, – я оттолкнула ее копыто и полезла в окно, оставив ее позади.

Внутри было темно и пахло сыростью, железом и разными другими материалами, запахи которых были мне незнакомы. Спрыгнув внутрь, я включила подсветку ПипБака и огляделась.

Я уже говорила, что не представляла себе размеров этой машины. Изнутри она казалась еще больше. Пожалуй, грузовой трюм “Разбойника” был даже шире некоторых коридоров в Стойле. Железные “рёбра” самолёта торчали наружу, а коммуникации были проложены прямо под потолком. Очевидно, никто и не пытался заниматься отделкой салона в грузовом транспорте. Всё это, вкупе с круглым иллюминатором, отсыревшими деревянными ящиками и решётчатым полом, напомнило мне о трюмах старинных кораблей, о которых мне доводилось читать в книжках про пиратов. Хм, даже название у этого воздушного судна было пиратским.

Правда, в отличие от кораблей из книжек, здесь всё, ну, или почти всё, было сделано из металла и даже спустя двести лет выглядело куда современнее.

Но это был трюм, причём, наполненный добром, которое ждало своих новых владельцев. На ребристом полу стояли деревянные контейнеры, часть из которых разломалась, а часть опрокинулась при падении. Это можно было понять по красным значкам в виде сдвоенных стрелок, которые смотрели куда угодно, но не вверх.

Я услышала, как Джестер шумно свалилась в трюм следом за мной. Затем за моей спиной зажёгся источник света, и послышался одобрителный свист.

– Вот это да! Джекет! Верно говорят, что везение сопутствует новичкам.

Обернувшись в сторону Джестер, я увидела странную картину. Яркий свет исходил прямо из её лба, словно та была... единорогом. Я прищурилась и поняла, что ошиблась. Шестигранный белый кристалл в металлическом корпусе был закреплён на ремешке.

– Что это у тебя за звезда во лбу горит? – спросила я, пытаюсь подражать ироничным репликам полосатой пони.

– Завидно?

“Ещё бы не завидно! Такой небольшой кристалл, а светит втрое ярче моего ПипБака”, – подумала я, но ничего не ответила.

– Это “ЛП-31 Лайтбрингер”. Фирменная штучка, не какая-нибудь мультя подделка. Там, где обычные игрушки поражают тебя от силы два раза, эта малышка потянет все тридцать и ещё один сверху. По крайней мере, так было написано на упаковке...

Проклятье, почему у нее любая, самая безобидная вещь звучала так, словно это что-то неприличное? Мои мысли ушли куда-то не туда, я почувствовала, что зарделась.

Оставив меня стоять с открытым ртом, Джестер устремилась вперед, и луч её фонарика выхватил из сумрака еще больше ящиков.

– Черт, Додо, это все равно что Ночь Согревающего Очага, только в ноябре! Чего мы ждем?

Честно говоря, я и сама не знала, что положено делать в таких случаях. Джестер, впрочем, явно не собиралась терять времени. Вот у нее в зубах уже появилась красная загнутая железка – лом-гвоздодёр. Неужели она всегда таскает весь этот инструмент с собой? Джестер вставила гвоздодёр между досками ближайшего контейнера и сильно надавила на него копытом. Через пять минут вся боковая стенка ящика упала нам под ноги, осыпав нас обрезками упаковочной бумаги.

– Какого сена! – отплевавшись от бумаги, я посветила вперед. Весь контейнер целиком занимало огромное старое пианино. Пианино! Кому могла прийти в голову идея отправлять на север, в горы, пианино самолетом?

– Эй, Додо, ты любишь классическую музыку? – Джестер явно безумно веселил мой разочарованный вид.

– Ты даже не представляешь, *насколько*, – я состроила саркастичную физиономию.

Та музыка, которую накануне поставила мне Джестер, оказалась настоящим открытием. Я никогда раньше не слышала таких звуков. Джестер объяснила мне, что так звучат особые магические инструменты, работающие на кристаллах и матрицах заклинаний. Такие инструменты подключаются к другим устройствам, изменяющим исходный звук. Из устройств можно выстроить цепь любой сложности и, плавно меняя настройки, добиться практически любого звучания. В таком магическом обрамлении даже унылая игра Октавии звучала волшебю.

Я бы слушала эту музыку всю ночь, если бы Джестер насильно не уложила меня спать. Остаток ночи я провела, ворочаясь, и посылая страшные проклятия в адрес Смотрительницы и Культурного Совета Стойла, усилиями которых достать что либо менее “благозвучное”, чем пластинки с хуфф-н-роллом, было невозможно. Эти пожилые и уважаемые, но страшно занудные пони, совсем забыли главную цель нашего Стойла и из всего культурного разнообразия довоенной Эквестрии оставили лишь самые строгие и проверенные временем образцы искусства. Похоже, мне предстояло узнать, какие ещё неугодные творения были запрятаны у нас в самых дальних углах архивов.

К сожалению, гвоздодёр был только у Джестер, так что, пока она развлекалась с контейнерами, я решила обследовать другие отсеки самолёта. Кое-где иллюминаторы были разбиты, и через них в трюм нанесло снега, но в целом “Разбойник” сохранился прекрасно. Я даже нашла красную матерчатую сумку странной формы, на которой белыми трафаретными буквами

было выведено: “Самоспасатель. Время действия 15 минут”.

– Эй, Джестер! – моя серая спутница копалась где-то позади и, судя по звукам, активно набивала сумки каким-то барахлом – что такое “Самоспасатель”?

– Это как противогаз, только с собственным источником воздуха. Можно дышать в дыму или даже под водой. Бери.

Сказано – сделано.

Контейнеры, которым ещё только предстояло познакомиться с гвоздодёром Джестер, закончились, и, миновав какие-то шкафы с оборудованием, которые сужали проход, я прошла в носовой отсек самолёта. Судя по табличке “Корреспонденция”, висевшей над входом, у меня была прекрасная возможность восполнить свою потребность в чтении.

В отсеке царил беспорядок. Пол был буквально устлан раскисшими от воды, пожелтевшими и запачканными конвертами всех возможных размеров и открытыми деревянными ящиками, из которых они вывалились. Я взяла один из тех, что выглядели поприличнее, и осторожно достала сложенный лист бумаги. Но чернила выцвели от времени и во многих местах потекли – разобрать что-то кроме отдельных слов не получалось. Открыв грубый холщовый мешок, также набитый письмами, я убедилась, что и они испорчены. Похоже, сказывалась общая сырость воздуха в салоне, а также то, что во время оттепелей вся вода стекала в носовую часть машины.

Разочарованная, я было побрела обратно в хвост самолёта, где Джестер варварски расправлялась с контейнерами, но заметила, что помимо открытых железных антресолей, забитых испорченными письмами, в стену строен вертикальный железный шкаф с надписью “Отправления Первого Класа”. Конечно, на дверце висел замок, но это не могло остановить меня. Выломать его не удалось, поэтому я просто (ладно, с большим трудом) сняла обе створки с петель и поставила их рядом со шкафом. Мне пришлось долго орудовать молотком и отвёрткой, прыгать на рукоятке ледоруба, просунутой под дверь, но зато доступ к ценным письмам был открыт!

Внутри, на верхних полках, стояли небольшие пластиковые контейнеры голубого цвета с логотипом “Королевской Крылатой Почты” – белым конвертом с крыльями, из которого била золотая молния. Судя по всему, они были герметичными.

Я сорвала сургучную пломбу с одного из них. В контейнере оказались различные документы на гербовой бумаге – какие-то договоры и счета, суммы в которых исчислялись миллионами довоенных монет. Документы были написаны сухим, казённым языком и содержали кучу непонятных слов, таких как “оферта”, “кадастр” и “диверсификация”. М-да, от них просто веяло скукой. Положив эти обесценившиеся бумаги на место, я опустила взгляд вниз и увидела большой ящик, также сделанный из пластика, с надписью “Письма Её Королевскому Высочеству Принцессе Селестии” и знакомым оранжевым солнцем на переднем боку.

Потрясающе! Шуточная фраза Джестер стала реальностью. Поборов накатившее смущение, я вскрыла ящик и приступила к чтению.

“Дорогая Принцесса Селестия. Знаю, Вы всё можете. Мой папа ушёл на войну и пропал. Пожалуйста, верните папу! Юнона, земнопони”.

“Дорогая Принцесса Селестия. Мы переехали в Поларитерн. Здесь у папы с мамой серьёзные научные дела. А ещё здесь смертельно скучно и отвратительная погода. Можете сказать пегасам, чтобы дали немного солнца? Вы же Солнечная Принцесса, они Вас послушают. С уважением, Оранж Спот”.

“Дорогая Принцесса Селестия. Я видела вас на последнем празднике Солнцестояния. Вы удивительно красивы. Я нарисовала вас по памяти. Знаю, вышло не совсем похоже. Скажите, у

нас же всё будет хорошо? Подпись: Нью Бланш, Клаудсдейл”.

На обратной стороне листа я увидела детский рисунок. Принцесса стояла на фоне оранжевого неба, в котором светило белое солнце. Её волшебная грива была нежно-розовой, с совсем незначительной полоской цвета морской волны. На переднем плане можно было увидеть силуэты пони, наблюдавших за ней – но они не были проработаны, в отличие от лица Принцессы, её диадемы и нагрудника. Не скажу, что у Нью Бланш всё получилось идеально, но способности к рисованию у неё определённо были.

Я поняла, что все письма, лежащие в этом ящике, написаны жеребьями. К сожалению, их мечты, надежды, просьбы так и не добрались до адресата. Отложив рисунок в сторону, я взяла следующий конверт.

“Дорогая Принцесса Силестия. Привет.

Миня зовут Баттон

В этом году я вёл себя хорошо. Пачимута на вечер сагревающего очага я получил дурацкую бумажку Стойлтек. Мама сказала что это ваш подарок и что он очень дорогой. Хочу обменять его на модель паравоза о которой так давно мечтал. Надеюсь вы ни абиделись”.

Я вздрогнула и достала из конверта зеленоватый бланк с логотипом Стойл-Тек. “Глупый жеребёнок...”

Каждое новое письмо рассказывало об очередных проблемах военного времени. Разбитые семьи, тяжёлый труд, травмы на производстве, голод и нужда. Многие жеребята не подозревали, насколько тяжело их родителям на самом деле. Они верили в то, что всё будет хорошо. Теперь я понимала, что даже если кто-то из них и укрылся потом в Стойлах, это была настоящая потеря – призвания, открытого пространства, прежней, тяжёлой, но привычной жизни.

Последнее прочитанное письмо больно ударило по моей собственной проблеме.

“Дорогая Принцесса Селестия. Вчера мы всей деревней убрали картошку. Осень началась раньше срока, и картошка могла сгнить. Я трудился изо всех сил и весь перемазался в грязи. Мы спасли урожай. Вечером, смывая всю эту грязь, я обнаружил на боку метку: три картофельных клубня. За что?! Всю жизнь я мечтал стать хирургом и лечить пони! Теперь, с такой меткой и своим деревенским происхождением, я могу забыть о Медицинском Университете навсегда. Это несправедливо! Вы самая мудрая пони в Эквестрии. Ответьте, почему мы сами не можем выбирать судьбу? У грифонов, да и у проклятых зебр такого нет. Одни мы мучаемся. Если Вы думаете, что я один такой недовольный, то это не так. Может пора что-то менять? Рассчитываю на ваш ответ, Хэви Дьюти, фермер из Хэйфилда”.

Дочитав это письмо, я крепко сжала его между копытами и шмыгнула носом. Молодому парню, который всего лишь хотел помочь, кьютимарка испортила жизнь. Я-то нашла себе занятие по душе, а вот ему, судя по всему, светила карьера сельского доктора, но не больше.

Копыта дрожали, поэтому всунуть мятое письмо обратно в конверт мне не удалось. “Достаточно грустных историй на сегодня”, – подумала я и бросила злосчастный лист бумаги в общую кучу писем. Я стала задвигать ящик на место, но взгляд уткнулся в рисунок Нью Бланш. Его нельзя было тут оставлять. В моей планшете было два отделения – в прозрачном располагалась карта, а в закрытом – тетрадь с грифоновыми закорючками. Вот туда я и положила рисунок неизвестной мне пони, жившей двести лет назад.

Настроение было испорчено. Ещё бы. Чтобы хоть как-то отвлечься от тягостных мыслей, я

решила осмотреть шкаф до конца. “Хуже-то точно уже не будет”, – успокаивала я себя, копаясь в среднем отделении, в котором хранились жёлтые полимерные пакеты с красно-белой полосой, шедшей по одной из сторон, и надписью: “Доставить Крылатой Почтой”. Я выкладывала их на пол, читая адреса и названия организаций, которым они были адресованы.

“Бэлтимэр Утилизейшн Групп (северный филиал)”, похоже, занималась улучшением экологической обстановки. Приложив немалые усилия, я всё-таки оторвала зубами верхнюю часть запаянного конверта. По всей видимости, в этот момент из него вышел весь довоенный воздух. Из конверта выпали белоснежные листы, будто отпечатанные вчера. Они были покрыты какими-то таблицами и графиками. Правильно. Уборку мусора же нужно как-то организовывать. Промах.

Охранная компания “Гидра”, туристическое бюро “Вуна Трэвел”, сеть пекарен “Пончики Джо”... Постепенно слева от меня выросла стопка конвертов, которые явно не содержали внутри себя что-либо ценное или интересное.

Следующий конверт был толстым и увесистым. И, поскольку он был адресован частному лицу – какому-то мистеру Пеппер Минту, я его вскрыла. Внутри оказалась подборка – нет, ну надо же, комиксов про Дэрин Ду! Скакать от радости по салону самолёта, глядящего носом в пропасть, я не стала. Но сердце колотилось сильно-сильно, когда я разглядывала цветную обложку, на которой Дэрин стояла, пригнувшись под лезвием гигантского топора, рассекавшего её знаменитую шляпу надвое. И таких историй в конверте было пять или шесть!

Я спрятала сокровище в своей седельной сумке и достала с полки последний конверт. Отправлен он был некоей Барбарой Сид из Мэйнхэттена на абонентский ящик почтового отделения, находившегося в городе под названием Мэрманск. От других просмотренных мною конвертов этот отличался большими размерами и круглой припухлостью с одного из боков. На ощупь она напоминала мой сувенирный облачный шарик. Что ж, это было дополнительной причиной вскрыть конверт сразу.

Лишний раз я порадовалась своей аккуратности. Конечно, вскрывать конверты зубами было тяжело, но я всё время старалась надрывать их с самого края, чтобы не повредить содержимое. Я осторожно выдвинула очень странный лист бумаги. Хотя может это и не бумага была вовсе. В любом случае, этот лист был намного старше грифоньей карты, и оказался испещрён символами вроде звёзд, подков, крыльев, деревьев и ещё более таинственных знаков, которые я не могла сопоставить с чем-либо виденным ранее. Похоже, Джестер не шутила насчёт моих успехов в археологии. Это зашифрованное послание, некогда попавшее в копыта к этой Барбаре Сид, явно относилось к древней истории пони...

“Если, конечно, не являлось чьей-то шуткой”, – высказалась скептически настроенная половина моего разума.

Просунув копыто поглубже в конверт, я зацепила загадочный круглый предмет. Им оказался небольшой чёрный шарик с лёгкими серыми разводами. Не знаю, может, это был могущественный артефакт древности, а может, просто деталь интерьера. В любом случае, Джестер вряд ли объяснила бы мне, для чего он нужен, потому я отложила странный шарик до лучших времён.

Убрав древние бумаги в свою седельную сумку – подальше от сырости, я с удовлетворением отметила, что с почтовым шкафом покончено.

Во всём самолёте оставалось единственное помещение, в котором я ещё не была – пилотская кабина, которая отделялась от грузового отсека тонкой перегородкой. Сама перегородка держалась на честном слове, а уж дверь в кабину так и вовсе вывалилась, едва я дотронулась до неё.

Оказавшись в кабине, я невольно охнула: после темного трюма она показалась мне буквально залитой светом, проникавшим через огромное стекло во всю ширину самолета, разделенное на отдельные панели. Когда глаза немного привыкли к дневному освещению, я огляделась.

Первая находка ждала меня сразу у входа: на крючке висела оставленная кем-то из экипажа отличная авиационная кожаная куртка. С подкладкой, кучей кармашков и массивным меховым воротником! Разумеется, провисев здесь всё это время, она промерзла насквозь, но зато мороз не дал ей сгнить. Судя по всему, куртка раньше принадлежала пегасу, потому что в ней были предусмотрены разрезы и даже карманы для крыльев! Брррр! Оставалось только как следует подвигать конечностями, чтобы согреться.

Разминая задубевшую обновку, я обратила внимание на странную установку, расположенную в центре кабины. Вообще, я ожидала увидеть в кабине кресло пилота, штурвал или что-нибудь подобное, что позволило бы управлять летающей машиной при помощи зубов или копыт. Ничего такого в этой кабине я не нашла. В общем-то, если не считать разных шкафчиков для вещей, приборной панели под окном и этой странной штуковины, в кабине больше ничего и не было. Установка представляла собой овальный стеклянный колпак, к которому мощным жгутом шли разноцветные провода.

Я подошла поближе и попыталась разглядеть внутренности установки, но через покрытое инеем стекло не было видно решительно ничего. Я протерла иней рукавом и отшатнулась: из-под стекла на меня смотрел высохший труп. Пегас, жеребец... кажется. Провода, которые шли к колпаку, оканчивались в приборах, закрепленных на его теле. Пегас был подключен к самолету? Зачем?! Судя по всему, это и был пилот, но я не вполне понимала целесообразность такого решения.

За последние дни я уже вдоволь нагляделась на мёртвых, и, похоже, у меня еще не раз будет возможность это сделать. Так что оставив пилота с его хрустальным гробом, я подошла к окну. Через стекло, обильно припорошенное свежим снегом, едва виднелся противоположный край ущелья, бурой вертикальной стеной возвышавшийся над самолетом. А вот увидеть саму пропасть мне мешал нос "Разбойника".

В попытке разглядеть хоть что-то я залезла на приборную панель. Чтобы стряхнуть налипший снаружи снег, пришлось постучать по раме, обрамлявшей стёкла. Ответ пришёл незамедлительно: об крышу самолета ударилося что-то тяжелое. Огромная летающая машина пошатнулась, а я тут же упала обратно на пол, спиной вперед.

"Что за..."

Долго гадать, что же это было, мне не пришлось. На нос самолета прыгнула моя старая знакомая – белая мантикора! Это точно была она – я могла разглядеть раны от моих пуль у нее на морде. И, что самое неприятное, хищница тоже меня узнала; холодные голубые глаза светились совсем не холодной злобой.

Я уже знала, какая эта тварь упрямая, но не думала, что настолько!

Мантикора протянула ко мне лапу, но та упёрлась в стекло. Не понимая, что же не дает ей добраться до вожака, бестия в ярости ударила по стеклу, осыпав меня градом осколков. На её беду, я успела отползти подальше и упереться спиной в перегородку. Сюда зверюга дотянуться уже не могла – её длинная лапа царапала воздух в паре метров от меня. Похоже, тут, возле стенки, я была в относительной безопасности...

А, нет! Проклятье! Ни в какой безопасности я не была! Мощным рывком лапы мантикора отделила раму с целевшими стёклами от кабины и отшвырнула её в пропасть. И это только казалось, что образовавшийся проём был для неё узким. Гибрид кошки и скорпиона обладал невиданной гибкостью. Втянувшись в кабину, разъярённый зверь вдарил обеими передними лапами по капсуле управления. Стекло хрустнуло и распалось на несколько крупных частей, а обшивка самолёта закрипела где-то у меня под ногами.

Мягко прыгнув на пол, мантикора ударом лапы сорвала капсулу с креплений, от чего та завалилась на бок, и её омерзительное сушёное содержимое упало прямо к моим ногам. Раньше

от такого зрелища я бы закричала, а может быть и вовсе завизжала, как резанная, но сейчас все мои мысли были сосредоточены на поиске любого тяжёлого или острого предмета, лежащего на полу или висящего на стене.

Красный. Цилиндрический. Огнетушитель!

Я сорвала зубами пломбу и, направив раструб прямо в морду чудовища, до упора вдавила рычаг. Облако белой пены с шипением вырвалось наружу.

– Что, не нравится?! – прорычала я.

Потеряв ориентацию в пространстве, мантикора попыталась вслепую ужалить меня своим хвостом, ну а я, в свою очередь, истратив содержимое огнетушителя, со всей силы метнула красный баллон прямиком ей в голову. Мантикора завывала и начала трясти головой из стороны в сторону, отчего клочья пены разлетелись по всей кабине. Понимая, что мешкать нельзя, я кинулась в дверной проём и остановилась только тогда, когда столкнулась с Джестер, сжимавшей в зубах пресловутый обрез.

– Фто там у фебя за ферня творится? – спросила она.

Я настолько запыхалась, что, проглотив первый слог, ответила:

– ...кора

– Фто? Какая кова?

– Мантикора! – по расширившимся глазам Джестер было ясно, что к подобному она не была готова. Или?

Удар, и металлическая перегородка выгнулась в нашу сторону, а из дверного проёма показалась лохматая голова моей преследовательницы. Ощущая сильную дрожь в ногах, я вынула из кобуры свой пистолет и, зажмурив левый глаз, попыталась прицелиться поточнее. Последовал грубый тычок в плечо, и недовольный голос Джестер произнёс:

– Жеребёнок, уйди с линии огня.

Так как прицел мне всё равно сбили, я отступила влево и бросила взгляд на серую пони, которая сжимала в копытах уже не обрез, а толстую металлическую трубу с деревянным прикладом.

В тот момент, когда перегородка, раскрылась внутрь, словно двустворчатые двери, труба оглушающе хлопнула, а неведомая сила отшвырнула мантикору, вбежавшую в грузовой трюм, назад в кабину. Удара её жирной туши, запущенной в горизонтальном направлении, хватило, чтобы машина самолёта дёрнулась вперёд, а пол начал крениться в сторону пропасти.

Джестер стояла разочарованная.

– Нехорошо, – пробормотала она.

– Что “нехорошо”? То, что мы сейчас медленно съезжаем в пропасть, или то, что мантикора приходит в себя? – последнее было ясно по затравленному рыку, доносившемуся из кабины.

– То, что взрыватель у гранаты не сработал...

– ЧТО? – я была абсолютно уверена, что из этой трубки вылетел невидимый сгусток магии, уложивший мантикору на лопатки. Но...

В лицо ударила яркая вспышка и волна горячего воздуха, а в уши – грохот, от которого “Облачный разбойник” содрогнулся до последнего листа и болта.

Взрывной волной нас сбило с ног, а самолёт, ещё немного проехавшись на брюхе, начал задирать хвост вверх. Мимо меня прокатился небольшой ящик с чем-то бьющимся, и чуть не угодил в голову Джестер, отчаянно пытавшейся схватить зубами ремешок гранатомёта. Закинув его на спину, Джестер стала карабкаться по ребристой поверхности, – угол наклона пола ещё позволял это делать.

– Грузовой люк, срочно! – прохрипела Джестер, тыкая копытом вперёд.

Мы были ближе к хвосту самолёта, а в носовой его части уже разгорелся пожар из ящиков, забитых почтовыми конвертами. Спасаться бегством через иллюминатор никак не получалось. В несколько

прыжков, сопровождаемых взмахами крыльев, я одолела расстояние до люка, находившегося в торцевой стенке хвоста самолёта, отщёлкнула два фиксатора с боков этой двери и вдарила по рычагу “аварийного открытия” копытом. Люк с грохотом распахнулся, струя свежего воздуха дала пожару новые силы, однако к этому моменту Джестер уже добралась до меня.

Эта сумасшедшая тащила с собой мешки с добычей!

– Что ты делаешь? – я попыталась перекричать скрежет сползающей вниз машины.

– Мы не за тем сюда залезли, чтобы бросить тут все ээээээ....!

Внезапно хвост самолета поднялся резко вверх, и Джестер лишилась опоры под копытами. Я едва успела ухватить её за ремень гранатомёта зубами. Моя шея сильно выгнулась вниз, но, к моему потрясению, эта кобыла, даже видя, как меня скрутило, совершенно не собиралась выпускать два тяжелых мешка из зубов!

Проклятье, сколько всего она туда набрала?! Отчаянно махая крыльями, я чувствовала, как меня все равно постепенно тащит вниз под грузом добычи. Самолет продолжал заваливаться, издавая протяжный звук, от которого у меня занули зубы. До грузового люка было еще слишком высоко, внизу бушевал пожар, и я готова была поклясться, что сквозь треск горящих ящиков слышала яростный крик мантикоры.

– Джестер, бросай мешки, мне тебя не удержать! – я вспомнила полет над пропастью. Главное было махать крыльями не часто, а плавно, ловя под взмах как можно больше воздуха. И похоже, мне удалось зависнуть в одном положении. Но я уже чувствовала судороги мышц – предвестники того, что скоро мой захват на ремне разожмется против воли.

Джестер отчаянно молотила копытами в воздухе, и я никак не могла понять, что она пытается сделать? Расстегнуть ремень? Да она явно головой ударилась!

– А ну прекрати! Если ты хочешь, чтобы мы выжили, перестань дёргаться! – в самом деле, чем больше она шевелилась, тем сложнее мне было держаться в воздухе. О том, чтобы лететь вверх, не могло быть и речи. Надо было срочно что-то придумать, иначе через несколько секунд нас ждала страшная участь сгореть в импровизированном костре в носу вертикально стоящего самолета. “Хм, почему эта штуковина не падает вниз?”

Я чувствовала, как горячий воздух начал доходить мне до копыт, всё это время Джестер упорно брыкалась, совершенно не помогая мне подняться выше. Ну и кто тут у нас “овца на минном поле”? Из-за ее добра мы обе сейчас отдадим Селестии душу!

И тут я почувствовала, что безумная кобыла уgomонилась. Когда я опустила глаза, чтобы посмотреть, что произошло, моя грива встала дыбом: не выпуская мешков из зубов, Джестер четырьмя копытами держала гранатомет дулом вниз!

– Джестер, что ты делаешь?!

– Подлифаю мафла в огонь, – прошипела та сквозь зубы. Ударом ноги она спустила гашетку, и с громким хлопком граната вылетела из ствола.

“Вот дерьмо!”

Граната полетела не вниз, как я думала. Она ударилась в борт примерно посередине – там, где снаружи были крылья. Откуда мне тогда было знать, что авиационное топливо как раз в крылья и заливается?

Поверьте мне, взрыв гранаты, поджарившей мантикору был ничем по сравнению со взрывом крыла, наполненного авиационным топливом. Прежде, чем я успела что-либо сообразить, ошеломительная волна давления обволокла меня, Джестер, её треклятые мешки и выбросила нас из люка, словно пробку из бутылки газированного вина.

Уже взлетев над самолетом, я почувствовала, как языки пламени облизали меня и ощутила запах палёной шкуры. Огромный самолет, который две сотни лет пролежал под снегом, сорвался с мёртвой точки под нами и отвесно упал в пропасть, полыхая изнутри пламенем, подобного которому я никогда раньше не видела. Когда он ударился о дно пропасти, то взрыв второго крыла

разметал огонь, куски самолёта и остатки груза, и лишь затем я услышала грохот металлической обшивки и душераздирающий прощальный звук старого пианино.

Я раскрыла крылья, и уже без особых усилий мы опустились на землю.

– Фука, фтоф ше он так заштраял? – Джестер ругалась последними словами, пока я бережно опускала ее на снег. На самом деле, я сейчас тоже думала о ней не в лучших выражениях. Но, с одной стороны, она спасла нам жизнь. С другой стороны, если бы не мешки, то нам было бы проще выбраться.

Лёжа на почерневшем снегу, я посмотрела на свой бок. О, меня бы совсем не удивило, если бы после такого ударного приключения на месте моей метки обнаружилась другая, более подходящая к этому случаю.

Оставив Джестер наедине с её добычей, я подошла к краю пропасти. Внизу догорали останки самолета, а вместе с ними – моя заклятая противница. Похоже, это была моя первая настоящая победа на Поверхности. После Джестер шея безумно ныла, и я с трудом удерживала голову, но, в то же время, меня распирало чувство гордости. Я чувствовала, что надо было сказать что-то, подходящее к моменту.

– Я всегда говорила, что тебе нужна пара крыльев побольше.

– Додо, с кем это ты разговариваешь? – Джестер уже была на ногах и сияла, как её собственный медный таз, словно это не она висела только что над огненной бездной на тонком ремешке гранатомёта. Кстати, где, чёрт возьми, она раздобыла гранатомет?

– С мантикорой. Вернее, с тем, что от неё осталось. Откуда у тебя гранатомёт?

– Я нашла его в самолёте. Решила, что я просто не могу пройти мимо такого большого ствола.

Я посмотрела на Джестер исподлобья.

– Что? – она была сама невинность. – У каждой девочки могут быть свои маленькие желания.

У меня не было сил не неё злиться. Джестер была неунывающим комком безумия и, похоже, получала от этого огромное удовольствие. Но я не могла не высказать ей все, что думала по поводу случившегося.

– Джестер, мы могли погибнуть из-за твоих мешков.

– Могли, – она принялась развязывать свою добычу – и если бы стало совсем туго, то пришлось бы их выкинуть.

О! То есть это было еще не совсем туго.

– Но мы все равно выжили, и у нас есть добыча. А если бы мы её выкинули, у нас бы её не было. Простая арифметика Пустоши.

– Джестер. Ты подвергла риску и меня, и себя, и собственную добычу.

Полосатая пони оторвалась от узла и серьезно посмотрела на меня. Я уже знала, что она умеет смотреть серьезно, и заранее приготовилась к лекции.

– Додо, ты хочешь сказать, что не подвергла риску себя, когда выбралась из этого своего Склепа?

– Стойла.

– Неважно. И ты не подвергала риску себя, когда висела на веревке, привязанной к ржавому ружью?

– У меня не было выбора.

– У тебя был выбор. Например, застрелиться. Ухнуть камнем в пропасть. Разбить копыта и зубы, пытаюсь взобраться по скале. Ты не представляешь себе, сколько вариантов открывается перед пони, впавшей в настоящее отчаяние. Но самое главное – ты могла с самого начала не выбираться на Поверхность, жить в комфорте и безопасности. Но ты приняла рискованное решение и теперь обвиняешь меня в риске?

Похоже, Джестер в очередной раз была права. Она была в чем-то цинична, но ведь, по сути, она всё верно говорила. И я оценивала ситуацию по привычке, а не по тому, что происходило на самом деле.

Меня поражала способность Джестер моментально переключаться из своего безумно-игривого настроения в совершенно серьёзное. Я начинала потихоньку привыкать к таким переменам в ней, и, судя по всему, важные вещи она предпочитала говорить серьёзным тоном.

Я махнула копытом. В конце концов, мы выжили, у нас было два мешка добра, и мы только что уронили в пропасть огромный самолет со зловредной мантикорой внутри. И это... было круто. Чёрт! Это было *по-настоящему* круто!

Меня стало разбирать веселье, и я не могла сдерживать улыбку. Я вспомнила, как мы обе вылетели из самолета верхом на взрыве, и у меня невольно вырвался легкий смешок. Потом я посмотрела на довольную, слегка подгоревшую физиономию Джестер, и меня разобрал дикий хохот. Упав на снег, я уже не могла остановиться.

~ ~ ~

Заметка: следующий уровень (5)

Новая способность: Порча имущества. Открывать замки при помощи заколки и отвёртки? Это не ваш метод! Вы не ищете лёгких путей и придумываете свои изощрённые способы взлома. Другие взломщики могут только позавидовать вашей находчивости и упорству.

Новая квестовая способность: Полёт птенца (уровень 2). Вы по-прежнему не готовы к дальним перелётам, но на короткие расстояния уже можете переносить груз больше своего веса.

Общаясь с Джестер, вы постепенно учитесь красноречию. К своим 25 вы получаете... целых 2 дополнительных очка.